

В этой статье я хочу уделить пристальное внимание одному вопросу, активно обсуждаемому в настоящее время в кругу левых, а именно, вопросу о «терапии» vs. «терапии и политике». По-другому его можно назвать вопросом о противопоставлении «личного» и «политического» и, я подозреваю, для этого есть много других названий, которые появляются по мере развития этой дискуссии. Я еще не посещала встречи Ново-Орлеанской группы, но более года я принимала участие в группах в Нью-Йорке и Гейнсвилле. Обе эти группы именовались «терапевтическими», а также «доверительными, личными» теми женщинами, которые относили себя к «более политически сознательным». Поэтому я должна обсудить так называемые группы терапии (или группы самоподдержки), основываясь на своем собственном опыте.

Очевидно, что само слово «терапия», если довести его до логического завершения, употребляется здесь неверно. Терапия подразумевает, что кто-то болен, а терапия как способ лечения может помочь, то есть [приход в группу] является личным [делом]. Лично меня очень задевает, если обо мне или любой другой женщине думают, что нам, в первую очередь, нужна терапия. Женщины не больны! Проблема – не в женщинах, а в том, как они представлены. Мы должны изменить условия этой ситуации, а не приспосабливаться к ним. А терапия является личным приспособлением к «нездоровой» ситуации.

Мы не стремились решать личные безотлагательные проблемы участниц группы. Темы для обсуждения мы выбирали в основном двумя способами: мы по очереди готовили вопросы для собраний – в небольшой группе это возможно (вопросы, вроде, «Хотели бы Вы родить ребенка и, если да, то

[†] Оригинал этой хрестоматийной статьи «The Personal Is Political» опубликован на вебсайте К. Хэниш www.carolhanisch.org/CHwritings/PIPhtml Перевод и публикация осуществляется по специальному разрешению К. Хэниш. © Carol Hanisch, all rights reserved.

какого пола: мальчика или девочку, и почему?», «Что происходит в отношениях, если ваш мужчина зарабатывает больше, чем вы? Меньше, чем вы?»). Затем мы по очереди отвечаем на эти вопросы, исходя из своего личного опыта. И так – каждая. В конце встречи мы пытаемся подытожить и обобщить сказанное и связать сказанное между собой.

В настоящий момент я верю, и, может быть, эта вера сохранится на протяжении многих ближайших лет, что эти аналитические сессии являются формами политического действия. Я посещаю эти сессии не потому, что мне нужно или я хочу поговорить о своих «личных» проблемах. В действительности, наоборот, я не стала бы этого делать. От меня, как от женщины, принадлежащей определенному движению, требуют быть сильной, самоотверженной, заботиться о других, жертвовать собой и в целом быть ответственной за свою собственную жизнь. Признать наличие собственных проблем, означает быть слабой. Поэтому я хочу быть сильной женщиной, как это понимается в [женском] движении, и не допускать, чтобы у меня были какие бы то ни было реальные проблемы, с которыми я сама не смогла бы справиться (за исключением тех, которые непосредственно вызваны капиталистической системой). Политическое действие здесь как раз и заключается в том, чтобы говорить, как оно есть, и заявить о том, во что я действительно верю, вместо того чтобы говорить то, что от меня хотят услышать.

Итак, я участвую в этих встречах не для того, чтобы решать какие-нибудь личные сложности. Первое, что мы обнаружили на таких собраниях, это то, что личные проблемы являются проблемами политическими. В настоящее время невозможно решать личные вопросы в одиночку. Есть только коллективное действие для поиска коллективного решения. Я посещала и продолжаю посещать эти встречи, потому что я поняла значение политического – то есть получила то, что мне не смогли дать прочитанные тексты, мои «политические дискуссии», мои «политические акции» и четыре года моего активизма в целом. Мне пришлось снять розовые очки и столкнуться лицом к лицу со страшной правдой о том, насколько в действительности ужасна моя жизнь как женщины. Я начала понимать реальное положение дел «нутром» – в противоположность пред-

ставлению эзотерическому, интеллектуальному и тому, что «положение обязывает» нас понимать о «чьей-то еще» борьбе.

Однако это не умаляет того факта, что наши сессии имели, по меньшей мере, два терапевтических аспекта, даже эти аспекты я предпочитаю называть «политической терапией» в противоположность терапии личной. Самое важное – это перестать винить себя. Можете себе представить, что произойдет, если женщины, чернокожие и рабочие (мое определение рабочих – это те, кто должны работать, для того чтобы зарабатывать себе на жизнь, в отличие от тех, у кого такой необходимости нет; не все женщины – рабочие) перестали бы винить себя за свое плачевное положение? Мне кажется, что вся страна нуждается в подобного рода политической терапии. Это то, что активисты движения за гражданские права темнокожих делают по-своему. Мы [женщины] тоже должны это делать по-своему. Мы только начинаем переставать винить себя. У нас появилось ощущение, что в первый раз в жизни мы начинаем думать о себе. Как в карикатуре в журнале «Лилит»: «Я меняюсь. Мой мозг наращивает бицепсы». (*I'm changing. My mind is growing muscles*.) Те, кто верят, что Маркс, Ленин, Энгельс, Мао и Хо уже сказали на этот счет все, что можно, и женщинам добавить нечего, несомненно найдут эти группы пустой тратой времени.

Участниц группы, в которых была я, нельзя назвать «альтернативными» или теми, кого можно было бы назвать «раскрепощенными» женщинами. Мы пришли к выводу, что в нынешних условиях все альтернативные варианты – плохи. Живем ли мы с мужчиной или без, с кем-то вместе, в паре или одни, замужем или нет, живем ли мы с другими женщинами, практикуем ли свободную любовь, целибат или мы лесбиянки, или любая другая комбинация – есть только большее или меньшее зло. Нет «более раскрепощающего» пути; есть только плохие альтернативы.

Это часть одной из наиболее важных теорий, которую мы только начинаем проговаривать. Мы называем ее «проженская линия». В ее основе убежденность в том, что все женщины – хорошие люди. Плохие вещи, которые о нас говорят как о женщинах, являются либо мифами (женщины глупы), либо тактиками, которые женщины используют в индивидуальной борьбе (женщины – суки), либо тем, что мы

хотим на самом деле привнести в новое общество и разделить это с мужчинами (женщины чувствительны, эмоциональны). Женщины, как люди угнетенные, действуют по необходимости (например, молчат или изображают глупышек в присутствии мужчин), а не исходят из собственных предпочтений. Женщины разработали замечательные приемы различных уловок для своего выживания (выглядеть мило или хихикать, чтобы получить или сохранить работу или мужчину), которые должны использоваться по необходимости до тех пор, пока сила единства не займет свое место. Женщины слишком умны, для того чтобы не бороться в одиночку (так же, как чернокожие и рабочие). Дома сидеть не хуже, чем вступать в ожесточенную конкуренцию за рабочее место. Оба варианта плохи. Женщины, подобно чернокожим и рабочим, должны перестать винить себя за свои «неудачи».

Нам потребовалось десять месяцев, чтобы понять, что мы можем открыто говорить об этих вещах и увидеть связь с жизнью каждой женщины. Это важно с точки зрения планируемых нами действий. Когда наша группа только начинала работать, мы, согласно представлениям большинства, могли бы выходить на улицы с демонстрациями против замужества, против материнства, за свободную любовь, против женщин, которые используют макияж, против домохозяек, за равенство, не признающее биологического различия, и, бог знает, за что еще. Сейчас мы рассматриваем все эти вещи как «самостоятельные методы принятия решения и действия в отношении своего личного» (*personal solutionary*). Многие действия, предпринимаемые активистскими группами, развивались в подобном направлении. Женщины, выступающие с антиженской «кампанией» на конкурсе Мисс Америка, были одними из тех, кто призывал к действию, не опираясь на теорию. Участницы одной из групп хотели основать частный детский сад без какого бы то ни было анализа того, что могло бы быть сделано, чтобы улучшить условия для девочек, и совсем не анализируя потенциал такого детского сада для революции.

Это не значит, конечно, что мы не должны проводить политических и социальных акций. Могут быть веские причины того, почему активистки могут предпочесть не участвовать в акции. Одна из причин, которая часто останавливает меня,

заключается в том, что мне нужно быть уверенной, что акция, которую мы делаем, будет проведена наилучшим образом, с пониманием того, как ее нужно провести, и с уверенностью в ее «правильности». Я отказываюсь «производить» видимость активистской работы. Внутри нашей Нью-Йоркской группы было много конфликтов вокруг того, проводить ли какие-то акции или нет. Когда встал вопрос об акциях протеста против Мисс Америка, то у нас не было споров, хотим ли мы это делать. Я думаю, потому, что все мы хорошо осознавали связь этой акции с нашей жизнью. Мы чувствовали, что это была хорошая идея. Даже если были неверные шаги в действиях, мы понимали суть того, что мы делали [...]

Верно то, что нам всем нужно научиться делать выводы из нашего опыта и чувств, о которых мы говорим, а также находить способы увидеть взаимосвязи вещей. Некоторым из нас не очень хорошо удается донести это другим людям.

И еще один момент: я считаю, что мы должны прислушаться к так называемым аполитичным женщинам не потому, что так мы сможем лучше их организовать, но потому, что вместе мы – массовое движение. Я думаю, что мы – профессиональные активистки – склонны к проявлению некоторой узости взглядов. Если женщины, не являющиеся членами нашего движения, в чем-то с нами не согласны, то мы объясняем причину несогласия их «аполитичностью», а не тем, что, возможно, что-то не в порядке с логикой наших аргументов. Женщины уходят из политических движений толпами. Очевидные причины этого заключаются в том, что мы устали быть сексуальными рабынями и заниматься грязной работой для мужчин, чье лицемерие так вопиюще в их политической позиции освобождения любого (другого).

Но причина не только в этом: пока еще я не готова это выразить. [Если говорить о женском движении, то] я думаю, что «аполитичные» женщины не участвуют по весьма объяснимым причинам. Пока мы им говорим: «Вы должны думать, как мы, и жить, как мы, чтобы войти в круг избранных», мы будем ходить по замкнутому кругу. Я пытаюсь сказать, что в сознании «аполитичных» женщин есть вещи (и я нахожу их весьма политическими), которые настолько же эффективны, насколько эффективно любое политическое сознание, которое мы при-

писываем себе. Мы должны понять, почему многие женщины не хотят действовать. Возможно, что-то не так с активизмом или что-то не так с мотивацией активистских акций, или, может быть, с анализом того, почему эти акции необходимы, – все это пока недостаточно четко сформулировано для нас самих.

Перевела с английского Инна Хатковская